

– прослушать текст, опровергнуть или согласиться с предложенными утверждениями;

– прослушать текст, дать развернутые ответы на поставленные вопросы;

– прослушать текст, сопоставить с печатным и найти отличия;

– прослушать текст с точными данными (числа, даты и проч.), постараться запомнить и воспроизвести все точные данные.

4. Упражнения на развитие умения смысловой переработки информации направлены углубление осмысленности содержания:

– прослушать текст, выбрать из предложенных наиболее удачный заголовок;

– прослушать текст, содержащий информацию для сравнения, составить таблицу, отражающую сходства и различия изложенной информации;

– прослушать диалог, пересказать его в форме монолога;

– прослушать текст, составить аннотацию.

5. Упражнения на тренировку темпа речи развивают не только быстроту понимания, но и эффективность запоминания сообщения:

– после прослушивания текста студенты по очереди без пауз восстанавливают текст, стремясь передать содержание максимально близко к тексту.

Данная система упражнений позволяет на основе принципа последовательности и градуированности трудностей формировать навык аудирования, навык запоминания и понимания прослушанного сообщения, а также способствует формированию смежных навыков, поскольку работа с аудиотекстами формирует лексические, грамматические и фонетические навыки. Грамотная организация учебного аудирования, безусловно, служит значимым средством обучения русскому языку как иностранному.

Список использованной литературы

1. Гальская, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учебное пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – 6-е издание., стер. – М. : 2009.

2. Кулиш, Л.Ю. Виды аудирования // Общая методика обучения иностранным языкам. – М. : Русский язык, 1991. – С. 68–73.

3. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: базовый курс : пособие для студентов пед. вузов и учителей. – 3-е изд. – М. : АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010.

Я. Г. САМУЙЛИК (г. Брест, БрГТУ)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКОЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Актуальность исследования национально-культурной специфики признана в последнее время мировой наукой и практикой, что хорошо согласуется с общей тенденцией разных наук помещать культуру в центр теоретических построений, так или иначе связанных с изучением человека. К рассмотрению национально-

58

культурной специфики исследователи подходят с разных позиций: одни берут за исходное язык; для других исходной является культура, языковое сознание членов определённой лингвокультурной общности.

В лингвистике за последние десятилетия уже сложилась традиция изучения отражения национально-культурной специфики в языке и речевой деятельности. В большинстве случаев эти исследования касаются выборки и анализа лексики различных языков.

Академик Л.В. Щерба как-то замечательно сказал: «Как известно, мир, который дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается по-разному в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры, слова разных языков разнятся по своим вторичным ассоциациям» [1]. На наш взгляд, именно это в значительной степени затрудняет работу преподавателя РКИ, ставящего перед собой задачу обучить иностранных студентов русскому языку и, соответственно, использовать в речи лексические единицы с русской и особенно белорусской национально-культурной семантикой.

Трудность восприятия студентами-иностранцами русской и белорусской лексики, содержащей национальный компонент, прежде всего, объясняется тем, что каждая национально маркированная единица лексики представляет собой сложную систему как смыслов и ассоциаций, так и расхождений, относящихся к своеобразным национально специфическим реалиям. Такая лексика называет понятия, не существующие в других языках и культурах. Её понимание связано с пониманием той содержательной информации, которая стоит за национально маркированным словом и на уровне лексического понятия, и на уровне лексического фона.

На занятиях по РКИ, целью которых является освоение лингвокультурной семантики русских и белорусских слов посредством русского языка, включению в языковой материал подлежат те национально-культурные лексические единицы, которые не только возникли в рамках национально-культурной общности людей, но и не вышли за пределы этой исторической общности.

Однако на занятиях по РКИ не все приёмы работы, принятые в традиционной методике, можно использовать в процессе изучения слов с национальной спецификой. Так, абсолютно неприемлемым является замена лексической единицы изучаемого языка соответствующим эквивалентом родного языка иностранных учащихся, ведь большинство слов с национальной спецификой не имеют точного эквивалента в родном языке студентов. Поиски эквивалента на родном языке иностранных студентов зачастую не только не облегчают понимание, но и уводят их «в сторону» от истинного смысла, заложенного во внутренней форме слова.

Лексику, не имеющую точных, семантических соответствий в системе реалий и понятий другого языка, традиционно называют безэквивалентной. Понимание и перевод таких лексических единиц нередко осуществляется посредством описания значения одного слова целым словосочетанием, оборотом (то есть описательно). Термин «безэквивалентная лексика», безусловно, относителен, так как может быть применим только по отношению к одному сопоставляемому языку или к группе языков. Этот термин невозможно использовать по

отношению ко всем языкам, поскольку в одном из языков может существовать точный аналог слова, не имеющего аналога в каком-либо другом языке.

Часто вследствие расширения межкультурной коммуникации безэквивалентные лексические единицы заимствуются другим языком без изменений или с незначительными фонетико-грамматическими изменениями. Таким образом, появляются эквиваленты в другом языке, но при этом сохраняется национально-культурная специфика языка-источника.

Безэквивалентные слова того или иного языка являются носителями и хранителями знаний и культуры, поэтому изучение безэквивалентной лексики на занятиях по РКИ – процесс одновременно сложный и значимый, поскольку студенты-иностранцы узнают не только лексическое значение нового слова, но и получают неизвестную им культурологическую информацию.

Безэквивалентная лексика, или безэквивалентные языковые единицы, – предмет исследования такого научного направления, как лингвострановедение. Лингвострановедение, в свою очередь, является составной частью лингвокультурологии, поэтому оно является и её предметом изучения.

Безэквивалентные языковые единицы – термин, введённый Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. По мнению учёных, это «обозначения специфических для той или иной культуры явлений (*гармошка, матрёшка, лапти, самовар*), которые являются продуктом кумулятивной (накопительной, закрепляющей опыт носителей языка) функции языка и могут рассматриваться как Westminster фонных знаний, то есть знаний, имеющихся в сознании говорящих» [2] (ср.: бел. *гармонік, матрошка, лапці, самавар*). Различия между языками обусловлены различием культур, и легче всего они демонстрируются на материале лексических единиц и фразеологизмов, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью. Явление лексической безэквивалентности нашло довольно основательное описание также в трудах русских исследователей: Г.В. Шаткова, Г.П. Шакурова, Г.В. Чернова, А.Д. Швейцера, Л.С. Бархударова, А.А. Иванова. На материале белорусского языка разработка вопросов теории лексической безэквивалентности началась в 90-е годы прошлого столетия и в первую очередь связана с именем И.Г. Шкрабы – автора первого в отечественной лингвистике словаря безэквивалентной лексики. Богатый материал для понимания явления лексической безэквивалентности дают научные поиски И.С. Ровды, который путём сопоставления фактов белорусского и русского языков обнаруживает в них лексические лакуны, а также анализирует средства компенсации лексических лакун, каждой на фоне соответствующих им слов другого языка. Отдельные аспекты изучения лексической безэквивалентности затрагиваются в трудах С.В. Махоня, А.А. Гирецкого, В.П. Трайковской, Шкнай Г.В. и других белорусских учёных. Тем не менее, как отмечает И.Г. Шкраба, «безэквивалентная лексика, которая входит в число основных лингвистических перспектив лексикологии, на белорусской научной почве ещё не подверглась теоретическому осмыслению» [4].

С точки зрения учёных безэквивалентная лексика – это слова, которые нельзя семантизировать с помощью перевода (они не имеют устойчивых соответствий в других языках, не имеют смысловых соответствий в системе содержания, свойственных другому языку), то есть слова, план содержания

которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Поэтому понятие «безэквивалентная лексика» включает в себя не только отсутствие эквивалента, но и причину такого отсутствия – отражение словом специфической материальной и духовной культуры.

Безэквивалентная лексика относится к языковым единицам с национально-культурологическим значением, создающим национальный колорит текста. Это слова, обозначающие реалии той или иной национальной культуры. Реалии – предметы или явления материальной культуры, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому.

Изучение безэквивалентной лексики современных русского и белорусского языков в практике преподавания РКИ в техническом вузе выполняет несколько функций:

- расширяет лексический запас иностранных учащихся;
- даёт знания о культуре и культурных артефактах страны изучаемого языка (России) и страны пребывания (Беларуси);
- предотвращает возникновение и развитие так называемого «культурного шока»;
- воспитывает толерантность;
- даёт опыт положительного эмоционально-чувственного отношения к фактам чужой культуры;
- вырабатывает коммуникативную и культурологическую компетенции;
- облегчает процесс аккультурации;
- позволяет иностранцам стать активными участниками процесса межкультурной коммуникации.

Задача преподавателя РКИ заключается не только в том, чтобы познакомить студентов-иностранцев с новыми словами русского и белорусского языков, но и в том, чтобы помочь освоить и усвоить те культурные знания, которые неотделимы от слова. Современная лингвокультурная ситуация в Республике Беларусь осложняется ещё и тем, что список безэквивалентных лексических единиц в условиях билингвизма (белорусско-русского двуязычия) увеличивается и расширяется за счёт слов из белорусского языка. Эти лексемы находятся в активном словаре носителей русского языка, и обращение к ним на занятиях по РКИ необходимо, как и к проблеме межкультурной коммуникации.

Важным методом, используемым в процессе изучения безэквивалентных лексических единиц, является комментарий. В рамках интерпретации национально-маркированной русской и белорусской лексики могут использоваться следующие виды комментария: лингвистический, страноведческий, лингвострановедческий и кросскультурный.

Лингвистический комментарий содержит пояснение слов и выражений, основная часть которых в современных русском и белорусском литературных языках имеет либо новое значение, либо уже не используется в современной речи. Сюда же входит пояснение слов и изречений, не входящих в рамки литературного языка. Например, рус. *былина*, бел. *быліна* – «народная эпическая песня о богатырях и их подвигах»; рус. *лукошко*, бел. *кошык* – «ручная корзина, сделанная из прутьев».

Страноведческий комментарий содержит информацию о национально-культурном компоненте лексики, являющейся для иностранных студентов лакунарной. Необходимость страноведческого комментария возникает уже на первых занятиях обучения иностранному языку, когда преподаватель преподносит учащимся первые сведения о географии, истории, культуре страны изучаемого языка (России) и страны пребывания (Республики Беларусь). Например, рус. *паломники*, бел. *паломнікі* – это верующие люди, которые идут в святыне для своей веры (в русской и белорусской культуре это преимущественно православие) места, чтобы поклониться Богу.

Лингвострановедческий комментарий – это информация о национально-культурном компоненте лакунарной лексики. В ходе лингвострановедческого комментария раскрывается не только историко-культурное прошлое изучаемого предмета или явления, но и семантика его названия. Так, например, преподаватель, раскрыв вначале студентам-иностранцам значение слова *валенки*, бел. *валёнкi*, в результате чего он использует лексикографический метод (*валенки* – «зимние сапоги, сделанные из плотно сбитой шерсти»), переходит к объяснению процесса изготовления этой национальной для россиян и белорусов обуви.

Лингвострановедческий комментарий основан на соединении национально-культурного компонента изучаемого слова и его культурного фона. В таком аспекте национальные реалии изучаются как понятийные элементы культуры, существующие в рамках явлений и объектов данной народности, которые получили своё отражение в лексике языка. Например, «Андрей Рублёв расписал много больших церквей, которые назывались Соборами. Название *собор*, бел. *сабор* происходит от глагола *собирать*. Поскольку эти храмы были большими, то в них всегда *собиралось* всегда большое количество людей».

Однако русско-белорусские языковые связи требуют более глубокого семантического осмысления иноязычных лексических единиц, которыми для носителей русского языка являются белорусизмы. Традиционный переводческий принцип «слово через слово» не способен с одинаковым успехом действовать на всём лексическом пространстве. Несмотря на то, что однословный эквивалент при желании можно найти всегда (преимущественно путём подбора близкого синонима, а не семантически тождественного эквивалента), национально-специфические и национально-коннотативные оттенки, связанные с отличительными условиями жизни народа, безвозвратно утрачиваются. Можно сказать, что эпоха становления системы значений национального языка – это эпоха отображения в семантике слова особенностей психологии народа, его мировосприятия, обстоятельств трудовой деятельности, природной среды обитания, а также культурно-этнографических традиций. Поэтому нельзя не согласиться с академиком Д. Лихачёвым, который утверждал, что «страна – это единство народа, природы и культуры, отражённой в слове» [12, с. 40].

В лексике белорусского языка, как и в других национальных языках, можно выделить ряд слов, которые в русскоязычном отношении не имеют однословного эквивалента. Нужды переводческого характера требуют передавать семантику таких лексических единиц, объём понятия и эмоциональные оттенки не словами, а словосочетаниями, оборотами русского языка (то есть описательно). Такие лексические единицы, как известно, определяются научным понятием

«безэквивалентные», то есть, «которые не имеют соответствия», и именно усвоения лексического запаса и в переводческой практике.

В безэквивалентную лексику включаются так называемые экзотизмы (от греч. *exsōtikos* ‘чуждый, иноземный’) – названия предметов, явлений и понятий, характерных для духовной культуры и материального быта народа, а также обусловленных особенностями природного и геополитического положения страны. Они занимают особое место среди белорусской безэквивалентной лексики в том плане, что в русскоязычном отношении связь «слово – предмет» или «выражение – предмет» не возникает по причине отсутствия самого предмета, названного по-белорусски. Это значит, что некоторые предметы и явления действительности характеризуют бытовые, социальные, культурные, экологические и другие условия жизни только одного народа и отсутствуют у второго (см. выше). Признак национального, местного, исторического или фольклорно-мифологического колорита несут на себе такие белорусские названия и обращения, как *нябожа* – ‘добродушное обращение с оттенком ласкательности, сочувствия обычно к младшему по возрасту’, *ягамосць* – ‘форма вежливого обращения к кому-нибудь’, *маршалак* – ‘предводитель дворянства’, *абшарнік* – ‘помещик, владеющий большими земельными наделами’, *кутнік* – ‘обедневший безземельный крестьянин, снимающий для жилья часть комнаты (угол)’, *верашичака* – ‘жидкое мучное блюдо’, *дзядзькаванне* – ‘старый обычай белорусских панов отдавать своих сыновей на воспитание в крестьянские семьи’, *талака* – ‘коллективная помощь, работа сообща’ и др. Национально отличительный состав обнаруживают и следующие тематические группы: 1) названия одежды: *брызентоўка* – ‘брезентовый плащ’, *кашміроўка* – ‘кашемировый платок’, *брыль* – ‘шляпа с полями (чаще всего соломенная)’, *кучомка* – ‘шапка, пошитая мехом наружу’, *гумовікі* – ‘резиновые сапоги’, *плюшаўка* – ‘жакет из плюша’, *перабіранка* – ‘подстилка, выполненная в технике народного ткачества’ и др.; 2) названия блюд: *мачанка* – ‘жидкое кулинарное блюдо, которое подаётся с блинами’, *дранік* – ‘оладья или блин из тёртого картофеля’, *таўчонік* – ‘блин из толчённого картофеля’, *грачанік* – ‘блин из гречневой муки’, *пячыста* – ‘блюдо, приготовленное из больших кусков мяса, запечённого на огне’, *скавароднік* – ‘плоский круглый хлеб, испечённый на сковороде’, *жытнік* – ‘ржаной хлеб’ и др.; 3) названия особенностей ландшафтно-природного характера: *адрожак* – ‘небольшое ответвление объекта, протяжённого в пространстве (дороги, горной цепи и под)’, *баравіна* – ‘возвышенный участок леса в бору’, *гала* – ‘голое место, чистое пространство’, *глянца* – ‘вязкая, глинистая почва’, *крушня* – ‘куча камней’, *надхмар’е* – ‘пространство над облаками’, *узболатак* – ‘край болота’ и др.; 4) названия сказочно-мифологических персонажей: *патароча* – ‘большеглазое привидение’, *мара* – ‘привидение, чёрное страшилище, с которым связаны ужасные народные поверья’, *ваўкалак* – ‘мифическое существо, согласно поверью, человек, способный принимать облик волка’ и др.; 5) названия народных обрядов, танцев: *закоскі* – ‘начало косьбы’, *заворыны* – ‘начало пахоты’, *дакопкі* – ‘завершение копки картофеля’, *Багач* – ‘Рождество Пресвятой Богородицы’, *Піліпаўка* – ‘ночь на Филиппов пост; время Филиппова поста’, «*Трасуха*» – ‘белорусский народный танец, разновидность польки; музыка к

этому танцу», «*Лявоніха*» – ‘белорусский народный танец; музыка к этому танцу’ и др. Даже проникновение белорусской реалии в быт русского народа не способствует возникновению русскоязычного эквивалента: при необходимости её обозначения закрепляются белорусизмы с пометой этнографической принадлежности.

В рамках белорусской безэквивалентной лексики можно обнаружить жизненно и понятийно важную для белорусского крестьянина группу слов характерной словообразовательной модели с общей семой ‘место бывшего (настоящего) нахождения того, что названо производящей основой’:

пшанішча – ‘поле, засеянное пшеницей; поле, с которого убрали пшеницу’, *паплавішча* – ‘место, где был заливной луг’, *замчышча* – ‘место, где стоял или стоит замок’, а также *млынарышча* – ‘место, на котором стояла мельница’, *бульбянішча* – ‘поле, на котором растёт или рос картофель’, *грэчышча* – ‘поле, засеянное гречихой; поле, бывшее под гречихой’, *лубянішча* – ‘поле люпина’, *гумнішча* – ‘место, где было гумно’, *травянішча* – ‘земля под травой’, *ячнішча* – ‘поле, на котором растёт или с которого убран ячмень’ и др. Белорусская лексика развивалась в рамках количественно богатой группы номинаций согласно занятий или рода деятельности человека: *кавальства* – ‘кузнечное дело, занятие кузнеца’, *грабарства* – ‘занятие или промысел землекопа’, *леснікоўства* – ‘работа, занятие лесника’, *плытніцтва* – ‘лесосплавное дело’, *каморніцтва* – ‘землемерное дело’, *камінарства* – ‘ремесло, занятие трубочиста’, *страхарства* – ‘ремесло, занятие кровельщика, кроющего крыши соломой’, *разьбярства* – ‘резьба по дереву’ и др.

Если связь «белорусское слово – предмет» проецируется на уровень русского языка как связь «выражение – предмет», то явление безэквивалентности, как правило, связано с наличием дополнительных дифференциальных оттенков в значении белорусского слова. Детализация, расчленённость понятия, названного лексической единицей, расслоение его семантических оттенков в разных языках может происходить неодинаково, и логичная трактовка совокупности признаков оказывается несхожей. Это обусловлено разной степенью актуальности, важности конкретного признака какого-либо объекта действительности для носителей соотносимых языков. Одни и те же свойства предметов и явлений материального мира могут выступать как существенные и второстепенные, содержательные и поверхностные в белорусском и русском языках. Например, для белоруса определяющим признаком понятия «спичка» выступает функциональный: «то, что зажигают», в русском языке он несущественен, основу наименования образовал признак внешнего сходства: «спичка» – ‘маленькая спица’.

Если белорусское слово имеет сложную структуру значения, со многими частными признаками названного предмета, то возрастает вероятность того, что в русском языке возможен единственный способ его семантического толкования – описательный, а само слово в таком случае приобретает статус безэквивалентного. Очень часто при наличии общих для белорусского и русского языков родовых понятий как безэквивалентное слово выступает белорусское видовое название. Содержание понятия «арэх – орех» в белорусском языке конкретизируется в безэквивалентном слове *лузанец* – «вылущившийся орех». «Дзюба – клюв» имеет частное воплощение в слове

глюга – ‘клюв хищной птицы’. Общее «вугельчык – огонёк» поглощает более конкретное *жарынка* – ‘горячий уголёк’. Видовое уточнение содержания понятия наблюдается во многих белорусских безэквивалентных словах: *дыля* – ‘толстая доска’, *куфель* – ‘бокал для пива’, *заимарга* – ‘затяжная петля’, *ганок* – ‘небольшой плот’, *кірна* – ‘курносый нос’, *поплаў* – ‘заливной луг’, *імшара* – ‘моховое болото’ и др.

Значение безэквивалентных слов может осложняться элементом оценочности. Она возникает при назывании таких объектов действительности, свойства которых включаются в систему ценностных ориентаций людей и вызывают стереотипные оценки. Так, при сопоставлении соответствий *нікчэмнік* – ‘никчемный, ничтожный человек’ мы легко обнаруживаем отрицательную оценочность белорусского наименования. То же касается слов *нядбалец* – ‘нерадивый, халатный человек’, *прадажнік* – ‘человек, продавшийся за обещание, вознаграждение’, *зломак* – ‘физически слабый, надорвавшийся на работе человек’, *паніхач* – ‘человек, вызывающий к себе презрение, которым помывают, командуют’. Для слов *сумленнік* – ‘честный, совестливый человек’, *рупливец* – ‘прилежный, рачительный, усердный человек’, *весьлуха* – ‘женщина весёлого характера’ характерна оценочность уже другого – положительного характера.

Ещё одна причина возникновения лексической безэквивалентности – несхожесть словообразовательных систем языков. По мнению профессора А. Е. Супруна, «тем более естественные расхождения между языками тогда, когда их словообразовательные средства значительно отличаются» [16, с. 7–8]. Словообразование белорусского языка особенное и отличается наличием глагольного словообразовательного типа с общим значением ‘продолжительность или многократность действия’, выраженного префиксом *папа-*: *папахадзіць*, *папаездзіць*, *папакрычаць*. Поскольку в русском языке нет префикса с таким же значением, подобные глаголы на русский язык передаются двумя (несколькими) лексическими единицами: *папахадзіць* – ‘ходить длительное время’, *папаездзіць* – ‘ездить долго, неоднократно’, *папакрычаць* – ‘кричать долго, неоднократно’. Такой самобытный словообразовательный тип не единичный. Можно назвать ещё следующие: со значением чрезмерного проявления признака: *замалады* – ‘слишком молодой’, *задоўгі* – ‘слишком длинный, долгий’, *зашырокі* – ‘слишком широкий, несколько широкий’, *завялікі* – ‘чрезмерно большой’, *зацесны* – ‘чересчур тесный’; со значением становления признака: *паскупец* – ‘стать скупым или более скупым’, *пазванчэць* – ‘стать более звонким’, *парухавець* – ‘стать подвижнее, живее’, *паглыбець* – ‘стать глубже’, *палагаднець* – ‘стать более добродушным, покладистым’.

Иногда структурно-семантическая модель образования новых слов одинаково характерна для обоих языков, но отличается количественно – за счёт отсутствия соответствующих русских лексических единиц некоторым белорусским. Словообразовательное значение ‘дочь того, кто назван производящей основой’ пожалуй что исчерпывается русскими наименованиями *поповна* (бел. *папоўна*) – ‘дочь священника’, *королевна* (бел. *каралеўна*) – ‘дочь короля (обычно в сказках)’, *царевна* (бел. *царэўна*) – ‘дочь царя’. Однословных эквивалентов до белорусских названий *леснікоўна* – ‘дочь лесника’, *бандароўна* –

‘дочь бондаря (специалиста по изготовлению бочек)’, *ткачоўна* – ‘дочь ткача’, *дзякоўна* – ‘дочь дьякона (в православной церкви: низший духовный сан; помощник священника при совершении церковной службы)’ и др. в русском языке нет.

Сфера применения новой модели словотворчества – стягивание прилагательного словосочетания + суффиксация – свидетельствует, что активность деривационного суффикса в белорусском языке более высокая, чем у русском. Множество белорусских реалий предметно-бытовой сферы имеют безэквивалентные в русскоязычном отношении обозначения: *вышыванка* – ‘рубашка с вышивкой’, *пятнастоўка* – ‘пятнадцатилетняя девочка’, *насоўка* – ‘носовой платок’, *караўка* – ‘заскорузлая тряпка’, *слухаўка* – ‘телефонная трубка’, *нулёўка* – ‘машинка для стрижки наголо’, *матароўка* – ‘моторная помпа’, *жытнёўка* – ‘зерно ржи’, *палыноўка* – ‘настойка на полыни’, *селядзёўка* – ‘сельдяная бочка’, *асфальтоўка* – ‘асфальтированная дорога’, *брукаванка* – ‘вымощенная камнем дорога’, *васкоўка* – ‘восковая свеча’, *кратоўка* – ‘норка крота’ и др.

Явление безэквивалентности наблюдается при несовпадении семантического содержания понятия в соотносимых языках. Так, белорусское слово *булён* в сравнении с русским *бульон* обнаруживает большую понятийную содержательность за счёт частного значения ‘картофельный суп, заправленный салом (жареным)’, которое в русском языке не отмечено. Многозначные лексические единицы, имея сложную семантическую структуру и одинаковую предметную соотнесённость, у разных языках могут отличаться количественно (составом значений) и качественно (характером значений). Количественное различие семантической структуры и создаёт условия возникновения безэквивалентности. Многозначные слова *дзічка* – ‘плод дикого дерева (яблони, груши и т.д.)’, *жытніца* (рус. *житница* – в таком значении лексема не употребляется) – ‘ржаная солома’, *хрушч* (рус. *хрущ*) – ‘майский жук’, *почапка* – ‘то, с помощью чего можно прицепить или привязать какой-либо предмет’, *скалка* (рус. *скалка* – в таком значении слово не употребляется) – ‘капля жира на поверхности воды или жидкой еды’, *чуцца* – ‘чувствовать себя’, *займаць* – ‘собирать животных в стадо, чтобы куда-либо гнать’, употреблённые в одном со своих значений, выступают как безэквивалентные. Иногда семантическая структура многозначного белорусского слова такая многогранная и отличительная, что явление безэквивалентности характеризует не одно, а два и более его значений: *мур* – 1) ‘каменная или кирпичная стена’; 2) ‘каменное или кирпичное здание’, *пасад* (рус. *посад* – в таких значениях лексема не употребляется) – 1) ‘древний свадебный обряд’; 2) ‘место в доме, куда по свадебному обряду сажали невесту’, *гамарня* – 1) ‘многоголосый крик, бестолковый говор, разговор’; 2) ‘огромное неудобное помещение’; 3) ‘шумная многолюдная компания’, *хіб* – 1) ‘передняя часть хребта животного’; 2) ‘щетина на хребте животного’; 3) ‘верхний край чего-либо на стыке, гребне’; 4) ‘спинной плавник у рыбы’, *залыгаць* – 1) ‘набросив верёвку на рога, шею животного, захлестнуть её или завязать узлом’; 2) ‘подчинить себе кого-либо, добиться власти над кем-либо’, *змізарнець* – 1) ‘стать невзрачным, потерять

вид'; 2) 'измениться внешне в худшую сторону (подурнеть, похудеть, постареть)', *надупасці* – 1) 'прийти в упадок, в запустение'; 2) 'терять силу'; 3) 'стать болезненным'; 4) 'стать хуже качеством'.

Как видим, в ходе лингвострановедческого комментария иностранные студенты не только получают важные сведения информационного характера, но и раскрывают для себя семантику названий русских и белорусских национальных реалий посредством русского языка, которые неразрывно связаны с историей, культурой, национальными традициями и обычаями народов России и Беларуси.

Практика показала, что методика преподавания РКИ эффективна, если на занятиях объединить лингвистические приёмы различных видов комментирования. Этот комплексный приём объясняется тем, что в процессе освоения безэквивалентной лексической единицы (слов-лакун) эффективным оказывается не только его толкование (то, что присутствует в лингвистическом комментировании), но и объяснение значений, связанных с ним слов, которые трудно воспринимаются и непонятны студентам-иностранцам. Поэтому на занятиях по РКИ необходимо использовать такое объяснение, в котором совмещается лингвистическое и лингвострановедческое комментирование лексических единиц с национально-культурным компонентом.

В процессе объяснения слов, содержащих белорусскую и русскую национальную специфику, на занятиях по РКИ приемлемым является способ применения прямого сравнения тех или иных понятий из области родной культуры иностранных учащихся. Непосредственное включение в тексты лингвострановедческого содержания сведений о родной культуре студентов помогает созданию материалов сопоставительного характера, которые легче воспринимаются и запоминаются. Кроме того, на занятиях можно использовать информацию о политических, экономических и культурно-исторических связях России и Беларуси с родной страной учащихся, что также является методически оправданным.

Результаты описания национально маркированных лексических единиц русского и белорусского языков методом культурного сопоставления позволяют в значительной степени повысить потенциальный уровень фоновых знаний иностранных студентов об изучаемых белорусской и русской культурах.

Таким образом, целью лингвострановедческой работы на занятиях по РКИ является формирование фоновых знаний у студентов-иностранцев посредством применения метода сравнительного комментария, который поможет преодолевать межкультурные барьеры в процессе обучения РКИ. Работа с лексическими единицами с национально-культурной спецификой (в том числе и с безэквивалентными) русского и белорусского языков расширяет лексический запас иностранных студентов, вырабатывает лингвистическую, коммуникативную и культурологическую компетенции, даёт знания о культуре и культурных артефактах страны изучаемого языка (России) и страны пребывания (Беларуси), воспитывает толерантность, облегчает процесс аккультурации, позволяет учащимся стать активными участниками процесса межкультурной коммуникации [1; 2; 3; 4; 5, с. 122–123; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 17].

Список использованной литературы

1. Азитова, Г. Ш. Лексические единицы с национально-культурной спецификой в практике обучения русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. Г. Ш. Азитова, Г. Ш. Азитова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-edinitsy-s-natsionalno-kulturnoy-spetsifikoy-v-praktike-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu>. – Дата доступа: 12.03.2019.
2. Бакирова, Л. Р. Изучение безэквивалентной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. Л. Р. Бакирова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-bezekvivalentnoy-leksiki-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu>. – Дата доступа: 12.03.2019.
3. Беларуская-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь : у 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы ; пад рэд. А. А. Лукашанца. – 4-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2012. – 3 т.
4. Дзядова, А. С. Безэквівалентная лексіка: сінхранічны і дыяхранічны аспекты [Электронны рэсурс]. А. С. Дзядова, Н. П. Даўбешка. – Рэжым доступу: <https://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/.../дедова.pdf?...> . – Дата доступа: 16.06.2019.
5. Зразікава, В. А. Беларуская мова. Прафесійная лексіка для эканамістаў : вучэб. дапам. / В. А. Зразікава, А. В. Губкіна. – Мінск : Выш. шк., 2016. – 383 с.
6. Кабашнікова, О. А. Национально-культурная специфика семантики языковых единиц [Электронный ресурс]. О. А. Кабашнікова, Т. В. Смоллова, Е. М. Базулько. – Режим доступа: www.rusnauka.com/16_NPRT_2014/Philologia/4_171785.doc.htm. – Дата доступа: 12.03.2019.
7. Музыченко, Н. Г. Русская безэквивалентная лексика как предмет изучения в иноязычной аудитории [Электронный ресурс]. Н. Г. Музыченко. – Режим доступа: <https://elib.grsu.by/katalog/456503doc.doc?d=true>. – Дата доступа: 12.03.2019.
8. Национально-культурная специфика русской лексики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/422-natsionalno-kulturnaya-spetsifika-russkoy-126081.html>. – Дата доступа: 12.03.2019.
9. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : ООО «Изд-во Оникс» : ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2008. – 624 с.
10. Русско-белорусский словарь = Руска-беларускі слоўнік : в 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы ; под ред. А. А. Лукашанца. – 10-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2012. – 3 т.
11. Самуйлик Я. Г. Национально-региональный компонент Беларуси при обучении РКИ в техническом вузе (историко-культурный аспект) / Я. Г. Самуйлик // Теория и практика обучения русскому языку как иностранному и другим лингвистическим дисциплинам в высшей школе : сб. науч. ст. / Брест. гос. ун-т ; Брест. гос. техн. ун-т ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2018. – С. 97–104.
12. Сямешка, Л. І. Беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. І. Сямешка. – Мінск : “Сучаснае слова”, 1999. – 224 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2002. – 784 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
15. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. Н. Ф. Татъянченко. – М. : Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.
16. Шкраба, І. Р. Самабытнае слова : слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І. Р. Шкраба. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1994. – 223 с.
17. Шкраба, І. Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І. Р. Шкраба. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – 320 с.